

Научная статья

УДК 903.01, 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-7-50-64

Каменные украшения в структуре обитаемого пространства культурного слоя VII поселения Ушки I (Камчатка)

Александр Юрьевич Федорченко

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Аннотация

Представлены результаты исследования пространственных аспектов человеческой деятельности, связанной с изготовлением и использованием каменных украшений в культурном слое VII поселения Ушки I (Камчатка). Установлено, что полный производственный цикл изготовления отдельных категорий предметов личного декора: бусин и подвесок из хлоритовых пород – осуществлялся непосредственно на стоянке. Сочетание отдельных стадий сырья и продуктов расщепления, заготовок, преформ, неоконченных и готовых изделий свидетельствует о локализации производства в жилищных конструкциях, расположенных в северо-восточной и юго-западной частях поселения. Наиболее детально процесс изготовления бусин и подвесок реконструирован для жилища № 2, где у очага выявлена специализированная рабочая площадка. Обнаружение целых или фрагментированных бусин и подвесок на уровне пола или внутри кострищ отдельных построек, вероятно, указывает на их утрату при повседневном ношении. Выявленные особенности пространственного распределения украшений ранней ушковской культуры демонстрируют соответствие материалам с других ключевых памятников верхнего палеолита крайнего северо-востока Азии.

Ключевые слова

Камчатка, верхний палеолит, стоянка Ушки I, каменные украшения, пространственный анализ

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01294 «Погребальные практики и символическая деятельность верхнепалеолитического населения северо-восточной Азии», <https://rscf.ru/project/24-28-01294/>

Для цитирования

Федорченко А. Ю. Каменные украшения в структуре обитаемого пространства культурного слоя VII поселения Ушки I (Камчатка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 7: Археология и этнография. С. 50–64. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-7-50-64

Stone Ornaments within the Structure of the Habitation Area of Cultural Layer VII at the Ushki I Site, Kamchatka

Alexander Yu. Fedorchenko

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Abstract

Purpose. This article presents research results on the spatial aspects of human activities related to the making and use of stone personal ornaments in cultural layer VII at the Ushki I settlement in Kamchatka.

© Федорченко А. Ю., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 7: Археология и этнография. С. 50–64

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 50–64

Results. We have established that the entire production cycle for specific personal ornament types – primarily chlorite beads and pendants – occurred directly on site. The combination of raw materials, knapped products, blanks, semi-finished items, unfinished products, and finished items indicates localized production within constructions. These dwellings were situated in the northeast and southwest parts of the site. We have reconstructed the process of bead and pendant production in detail for dwelling number 2. Here, near the fireplace, was identified a specialized workshop. The discovery of intact and fragmented beads and pendants on the floor or within the hearths of specific structures is likely to indicate loss due to daily wear.

Conclusion. The spatial distribution of personal ornaments from the Early Ushki culture matches patterns observed at other important Upper Paleolithic sites in extreme northeast Asia.

Keywords

Kamchatka, Upper Paleolithic, Ushki I site, stone ornaments, spatial analysis

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01294 “Burial Practices and Symbolic Activities of the Upper Paleolithic Population of Northeast Asia”, <https://rscf.ru/project/24-28-01294/>

For citation

Fedorchenko A. Yu. Stone Ornaments within the Structure of the Habitation Area of Cultural Layer VII at the Ushki I Site, Kamchatka. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 50–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-7-50-64

Введение

Многослойный памятник Ушки I выступает одним из ключевых объектов для изучения древнейших традиций изготовления и использования украшений на крайнем северо-востоке Азии. Будучи наиболее информативным стратифицированным памятником верхнего палеолита Камчатки, он был открыт и исследован в 1961–1991 гг. под руководством чл.-корр. РАН д-ра ист. наук Н. Н. Дикова [1977; 1979]. Результатом масштабных исследований стало выявление на памятнике Ушки I двух одновременных поселений, принадлежащих к оригинальным верхнепалеолитическим традициям: ранней ушковской, связанной с культурным слоем (далее – к. с.) VII, и поздней ушковской, представленной материалами слоя VI. Исследования зафиксировали здесь полные технологические контексты производства украшений различных типов, включая инструменты для их изготовления, а также захоронения с богатым погребальным инвентарем, содержащим бусины и подвески [Диков, 1967; 1993]. Такое сочетание определило ключевое значение материалов стоянки Ушки I для изучения практик личной орнаментации верхнего палеолита обширной территории крайнего северо-востока Азии и за ее пределами.

Украшения из поселенческих и погребальных комплексов ранней ушковской культуры обладают высокой информативностью, но при этом остаются недостаточно изученными. В рамках предыдущих работ проводился трасологический анализ артефактов из одиночного погребения памятника Ушки I [Федорченко, 2014], геолого-минералогические, технологические и функциональные исследования древнейших предметов личного декора Ушковских стоянок (см., например: [Федорченко, 2015; Понкротова и др., 2019; Девятярова и др., 2024]), предпринимались попытки семантической интерпретации украшений и вычленения знаковой составляющей в их формообразовании (см., например: [Дикова, 2011]).

Вместе с тем планиграфические контексты предметов личного декора ранней ушковской культуры до сих пор остаются неисследованными. Данные о пространственном распределении палеолитических украшений в контексте культурного слоя традиционно играют ключевую роль для интерпретации функций этих изделий и технологий их производства. Анализ таких контекстов позволит конкретизировать место древнейших украшений в структуре обитаемого пространства поселений Камчатки и определить их значение в символической и повседневной деятельности древнего населения. Цель настоящей работы заключалась в реконструкции пространственных аспектов человеческой активности, связанной с изготовлением и использованием верхнепалеолитических украшений в древнейшем слое VII опорного памятника Ушки I.

Материалы и методы исследования

По итогам исследований Н. Н. Дикова общая площадь поселения к. с. VII на памятнике Ушки I превысила 2 800 кв. м (рис. 1). Согласно полученным данным, центром поселения служило одиночное погребение, вокруг которого с востока, юга и юго-запада располагалось 12 жилищных конструкций разных типов (см., например: [Диков, 1977; 1993]). При изучении палеолитических жилищ исследователь применял единую методику, основанную на использовании двух приемов: анализа разрезов в бровках и зачистки пола от очага к краям постройки. Этот подход доказал эффективность, поскольку пол построек образовывал четко выраженное углистое пятно, контрастирующее с межжилищным пространством и убывающее по мощности от центра к периферии [Диков, 1969]. Поселение слоя VII представлено остатками преимущественно одиночных наземных построек округлой и овальной формы. Выделяются мелкие жилища (№ 1, 3, 5 и 8) площадью от 10 до 20 кв. м и более крупные (№ 2, 4, 6, 10–12) площадью 40–60 кв. м. В центральной части или у края сооружений располагались один-два открытых очага с кальцинированными костями и жженой костной массой, окруженные ямками от опорных столбов или колышков. Две самые крупные углистые площадки (№ 7 и 9), достигавшие 75–100 кв. м, имели вытянутую продолговатую форму. Внутри них прослеживались два интенсивных углистых пятна с двумя-тремя кострищами в каждом, соединенные перемышкой менее интенсивной углистости. Эти объекты интерпретировались как остатки двухкамерных или парных смежных наземных конструкций типа чума с каркасом из жердей, покрытых шкурами [Диков, 1977, с. 47; 1993, с. 10–12; Ложкин, Слободин, 2012].

Проведенное исследование базировалось на анализе и систематизации полевой документации и археологической коллекции к. с. VII стоянки Ушки I, хранящейся в СВКНИИ ДВО РАН (Магадан) и КОКМ (Петропавловск-Камчатский). В рамках работы были оцифрованы полевые отчеты об экспедиционных изысканиях на памятнике из Научно-отраслевого архива ИА РАН (Москва), а также фотографии, иллюстрации, полевые записи, планы на миллиметровой бумаге из личного архива Н. Н. Дикова в фондах СВКНИИ ДВО РАН; сформирована электронная база данных. Анализ археологических материалов, систематизация и интеграция опубликованных и архивных данных позволили верифицировать общий состав и численность предметов личного декора из к. с. VII, а также идентифицировать отсутствующие артефакты. Проведенный анализ установил, что предметы личного декора, полученные при исследовании этого слоя, насчитывают не менее 1 140 экз. При этом большинство заготовок, преформ, сколов и отдельностей сырья, выступающих исходными основами для производства украшений или отходами их изготовления, ранее не идентифицировалось и редко отмечалось на планах или упоминалось в архивных описаниях. Оценка численности и состава украшений ранней ушковской культуры учитывала специфику методики полевых работ, камеральной обработки и хранения. Миниатюрность изделий усложняла их обнаружение без тщательной разборки культурного слоя, просеивания или промывания грунта. Массовое присутствие в коллекции слоя VII мелких находок – например, дебитаж, фрагментов орудий и костных остатков – свидетельствует о пристальном внимании к изучению рыхлых отложений памятника в 1960–1980-е гг. Тем не менее отсутствие в этот период практики промывки отложений через сито с мелкой ячейкой могло привести к утрате значительной части украшений и заготовок при раскопках.

В работе изучен пространственный контекст 1 140 артефактов, связанных с технологией изготовления украшений слоя VII. Анализ, направленный на выявление закономерностей размещения предметов личного декора в структуре обитаемого пространства и их связей с объектами и структурами (очагами, приочажными зонами, жилищами или межжилищными участками, погребением), опирался на данные технологического, функционального и планиграфического методов [Абрамова, Гречкина, 1990; Житенев, 2007; Федорченко и др., 2020].

Рис. 1. Расположение основных элементов технологического контекста производства украшений на плане поселения культурного слоя VII памятника Ушки I:

1 – подвески; 2 – бляшки; 3 – бусины; 4 – бусины, отмеченные на планах в опубликованных и архивных источниках, но отсутствующие в коллекции; 5 – заготовки подвесок; 6 – заготовки бусин; 7 – преформы бусин; 8 – отдельности поделочного сырья; 9 – обломки; 10 – отщепы; А – углистые пятна очагов и кострищ; В – каменные артефакты; С – пятна красной охры; D, E – пятна убывающей углистости, маркирующие остатки жилищ

Fig. 1. Spatial distribution of key elements in the personal ornament production technological assemblage from cultural layer VII at the Ushki I site:

1 – pendants; 2 – plaques; 3 – beads; 4 – beads documented in published/archival plans but absent from the collection; 5 – pendant blanks; 6 – bead blanks; 7 – bead preforms; 8 – workable stone raw material units; 9 – debris; 10 – flakes; A – charcoal stains from hearths/fire pits; B – stone artifacts; C – red ochre stains; D, E – stains of diminishing charcoal intensity marking remains of dwellings

Исучаемые украшения выполнены из хлоритового сланца, хлоритолита, пирофиллита, галькита и янтаря [Девятярова и др., 2024]. Технология их изготовления включала: расщепление / расслоение отдельностей сырья, создание заготовок и преформ абразивной обработкой и пилением, сверление и окончательную отделку шлифовкой и полировкой. В коллекции преобладают мелкие плоские бусины, выделены подвески – перфорированные гальки с эпи-

зодической абразивной обработкой, полностью шлифованные уплощенные изделия простых геометрических форм и фигурные изделия. Немногочисленны плоские шлифованные бляшки с тремя или четырьмя отверстиями [Федорченко, 2015].

Результаты исследования и обсуждение

Проведенный анализ выявил неравномерное распределение каменных украшений на исследованной площади поселения слоя VII (см. рис. 1). Основная масса изделий ($n = 882$, 77,36 %) была выявлена в погребении № 1, расположенном в северной части стоянки [Диков, 1967]. Значительная серия законченных украшений, преформ и заготовок, а также фрагментов поделочного сырья происходит из контекста поселенческих объектов – углистых площадок наземных жилищ ($n = 227$, 19,91 %). Эти находки происходят из девяти сооружений, что составляет 75 % от общего числа раскопанных жилищ. Подавляющее большинство артефактов ($n = 202$, 89 %) получено из контекста четырех построек, выявленных в северо-восточной (№ 2 и 3) и юго-западной (№ 9 и 11) частях поселения Ушки I. Раскопки других конструкций в северной, центральной и восточной частях памятника (№ 1, 4, 5, 7 и 10) продемонстрировали наличие лишь небольших групп артефактов, включающих от одного до семи предметов (см. таблицу). При разборе полов жилищ большинство украшений и их заготовок, как правило, находилось на расстоянии до одного-двух метров от кострищ; в единичных случаях готовые изделия фиксировались непосредственно в заполнении очагов.

В шести жилищных конструкциях слоя VII (№ 1–4, 9, 10) зафиксированы наборы артефактов, достаточно полно отражающие основные этапы производства украшений. Наиболее крупная и информативная коллекция ($n = 124$) происходит из постройки № 2 в северо-восточной части поселения. Остатки этого жилища сохранились в виде пятна интенсивной углистости неправильной овальной формы размером 9×7 м (Диков, 1972). В пределах сооружения основная масса украшений была сосредоточена вокруг кострища, смещенного к северо-западному краю этой конструкции. Наибольшая концентрация, включающая 61 округлую бусину, выявлена к северу от очага на участке кв. Л-26/27 (рис. 2). Более половины этих изделий залегало в виде одного крупного скопления подтреугольной формы и нескольких компактных стопок по четыре-пять предметов. Около 20 бусин происходило непосредственно из заполнения кострищного пятна, северо-западной его части. На участке кв. Л-27 обнаружены пять плоских и объемных подвесок, залегавших одиночно или в сочетании с бусинами. Кроме того, из этого жилища происходят крупнейшие для поселения серии заготовок ($n = 12$) и преформ ($n = 4$), отдельностей сырья ($n = 4$) и продуктов их расщепления ($n = 9$). В отличие от готовых изделий, эти находки концентрировались преимущественно на участках кв. И/К-26/27 и Л-26, примыкавших к кострищу с южной или северо-западной стороны.

На площади поселения Ушки I аналогичное сочетание готовых изделий и заготовок отмечено для двух более мелких жилищ (№ 1 и 3), непосредственно примыкающих к постройке № 2 с северо-запада и юго-запада, а также в жилище № 4, расположенном в восьми метрах к юго-юго-западу. В этих сооружениях были обнаружены отдельные бусины, заготовки и фрагменты сырья, а также небольшие серии обломков и сколов; в силу своей малочисленности эти находки не образуют выраженных зон концентрации. В юго-западной части раскопа, в крупных жилищах № 9 и 10, преобладали заготовки украшений ($n = 10$) продукты расщепления поделочных пород камня ($n = 9$) (рис. 3). Наряду с ними присутствовали небольшие серии или единичные экземпляры подвесок ($n = 4$) (рис. 4), отдельностей ($n = 2$) и преформ округлых бусин ($n = 1$). В жилищной конструкции № 11 бусины и подвески не фиксировались; выявлены только заготовки и обломки поделочного сырья ($n = 11$). Два других сооружения (№ 5 и 7) содержали только законченные формы украшений ($n = 7$). В жилище № 7 рядом с кострищем была обнаружена фрагментированная подвеска со следами

Пространственный контекст украшений из культурного слоя VII стоянки Ушки I
 Spatial Context of Personal Ornaments from Cultural Layer VII at the Ushki I Site

Контекст	Бусины	Подвески	Бляшки	Преформы	Заготовки	Отдельности	Отщепы	Обломки	Всего
Жилище № 1	2	–	–	3	1	–	–	2	8
Жилище № 2	121	5	–	4	12	4	1	8	155
Жилище № 3	2	–	–	–	1	–	2	12	17
Жилище № 4	1	–	–	–	–	1	–	1	3
Жилище № 5	6	–	–	–	–	–	–	–	6
Жилище № 7	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Жилище № 9	–	3	–	–	8	2	1	5	19
Жилище № 10	–	1	–	1	2	–	3	–	7
Жилище № 11	–	–	–	–	7	–	–	4	11
Погребение № 1	875	5	2	–	–	–	–	–	882
Вне жилищ	20	–	–	1	4	–	1	5	31
<i>Итого</i>	<i>1 027</i>	<i>14</i>	<i>2</i>	<i>9</i>	<i>35</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>37</i>	<i>1 140</i>

термического воздействия. В постройке № 5 на участке кв. в-24/25 отмечено шесть бусин: три изделия образовывали скопление на расстоянии 0,1–0,2 м от кострища, два украшения находились на удалении 0,1 и 0,35 м соответственно, а одно было найдено в его заполнении (Диков, 1980, рис. 77).

Большая коллекция законченных бусин, их преформ, заготовок украшений, обломков и отщепов происходит с двух участков межжилищного пространства поселения ($n = 31$, 2,71 %). Первый участок расположен в северной части памятника, в 4–10 м к югу от погребения. Здесь в кв. Ж-12 одна бусина была обнаружена непосредственно в охристой засыпке «ритуальной» площадки, окружавшей могильную яму [Диков, 1967]. Крупнейшая концентрация бусин ($n = 13$) среди выявленных вне контекста жилищ и погребения зафиксирована на участке кв. Е-12, расположенного в непосредственной близости от двух небольших овальных кострищных пятен. В 5–6 м к югу от них, в кв. Г/В-11/12, располагался более крупный округлый очаг. С этим кострищем связаны находки: заготовка бусины в полутора метрах к северо-западу от кострища (кв. Г-11), мелкая округлая бусина в двух метрах к северо-востоку (кв. Г-13) и две аналогичные бусины в заполнении самого кострища.

Второй участок межжилищного пространства, также содержащий украшения, выявлен в северо-восточной части поселения в связи с крупным овальным углистым пятном в кв. Ж/3-20/21. На расстоянии от одного до полутора метров к северо-востоку от этого кострища, на участке кв. И-23, зафиксировано скопление обломков ($n = 5$), заготовок украшений ($n = 3$), преформы и отщепа. Одна целая бусина была обнаружена в двух метрах от очага к юго-востоку в кв. Е-21.

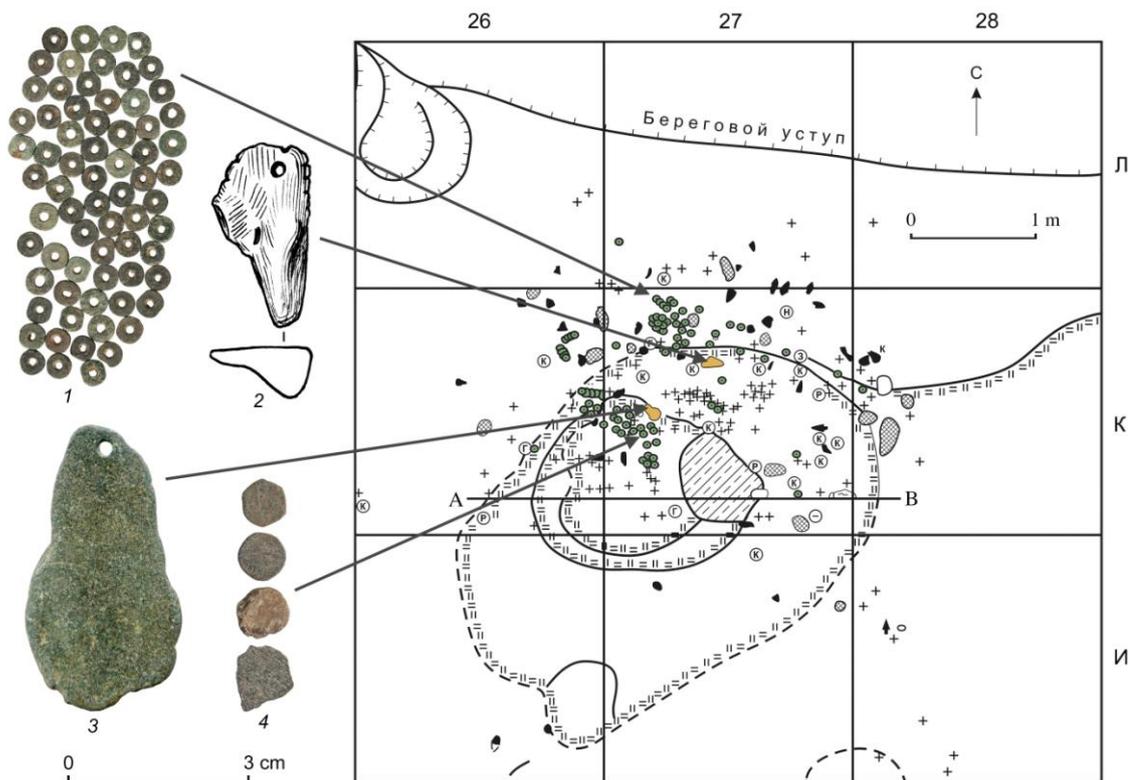

Рис. 2. Расположение каменных бусин (1), подвесок (2, 3), преформ и заготовок бусин (4) на плане жилища № 2. Поселение Ушки I, культурный слой VII (план – адаптировано по: (Диков, 1972, рис. 58), рисунки Л. Н. Коршковой, фото А. Ю. Федорченко)

Fig. 2. Distribution of stone beads (1), pendants (2, 3), and bead preforms/blanks (4) on the plan of Dwelling no. 2. Ushki I settlement, cultural layer VII (plan adapted from: (Dikov, 1972, fig. 58); drawings by L. N. Korshkova; photos by A. Yu. Fedorchenko)

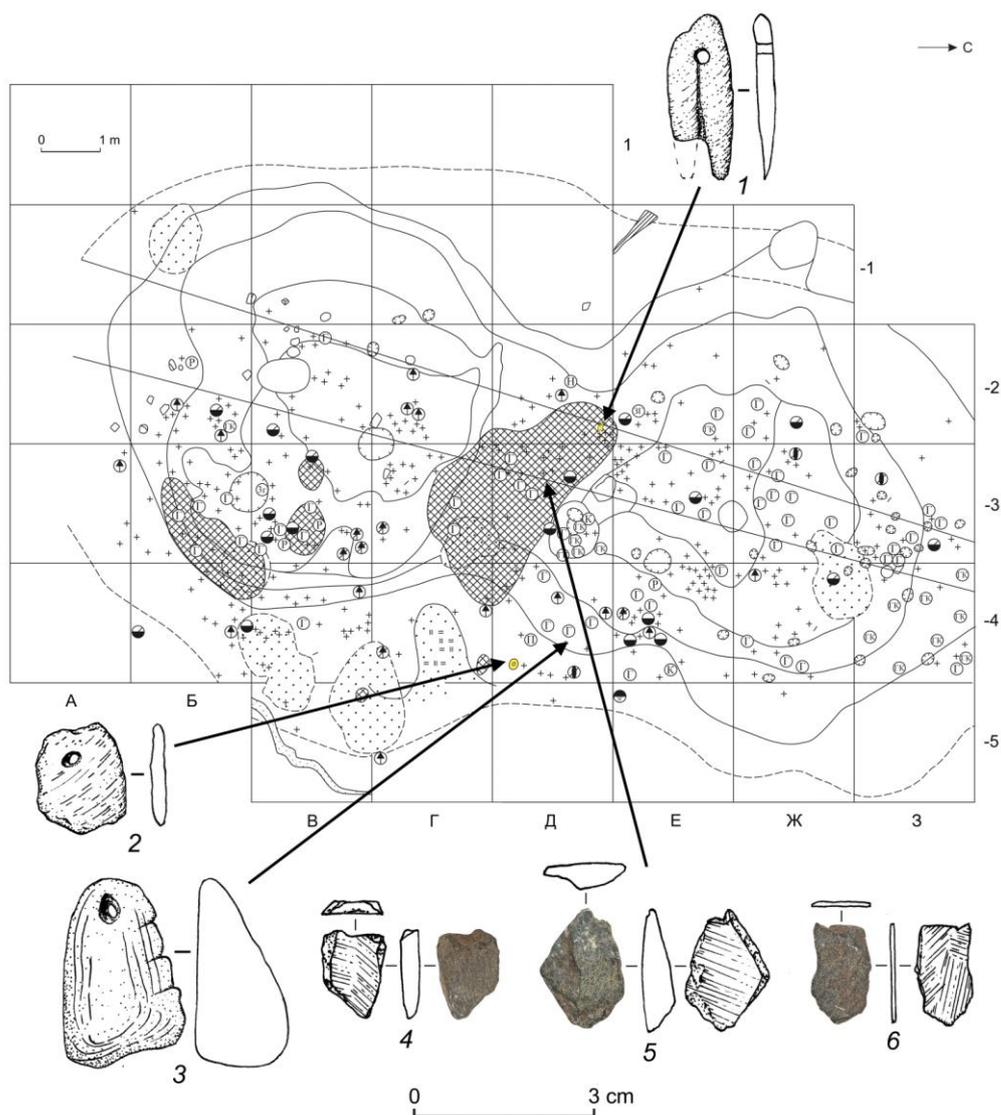

Рис. 3. Расположение каменных подвесок (1–3) и заготовок украшений (4–6) на плане жилища № 9. Поселение Ушки I, культурный слой VII (план – адаптировано по: [Диков, 1975, рис. 63], рисунки Е. П. Давыдовой, фото А. Ю. Федорченко)

Fig. 3. Distribution of stone pendants (1–3) and ornament blanks (4–6) on the plan of Dwelling no. 9. Ushki I settlement, cultural layer VII (plan adapted from: (Dikov, 1975, fig. 63); drawings by E. P. Davydova; photos by A. Yu. Fedorchenko)

Функциональный анализ бусин, подвесок и бляшек ранней ушковской культуры демонстрирует их преимущественное использование в составе композиций в качестве личных носимых украшений и декора одежды [Федорченко, 2015]. В погребении № 1 большинство изделий образовывало многоярусные скопления на дне могилы в области черепа и посткраниального скелета [Диков, 1967]. Взаимное расположение костных остатков и артефактов в самой крупной концентрации указывает на принадлежность этих бусин к головному убору и украшениям плечевого пояса погребенного. Отдельное скопление располагалось к северо-востоку от основного, на уровне костных остатков таза и нижних конечностей. Интенсивный износ этих украшений свидетельствует о длительном прижизненном использовании костюма; он не был изготовлен специально для погребального обряда [Федорченко, 2014]. Вероят-

но, такая одежда функционировала в качестве повседневной. Данное предположение подтверждается находками изношенных или фрагментированных украшений вне погребального контекста – на уровне пола и внутри очагов жилищ № 2, 3, 5, 7, 9 и 10 слоя VII. Эти предметы, вероятно, были утрачены во время повседневного ношения богато декорированной одежды.

Отдельные концентрации украшений в контексте погребения ранней ушковской культуры, включая находки на бортах могильной ямы, располагались на удалении от костных остатков и формировали самостоятельные композиции из бусин, подвесок и бляшек, не связанных с общей композицией декора одежды. Вероятно, они представляли собой подношения-амулеты или украшали несохранившиеся аксессуары из органических материалов – сумки, плетеные изделия, емкости, сопровождавшие захоронение [Федорченко и др., 2024].

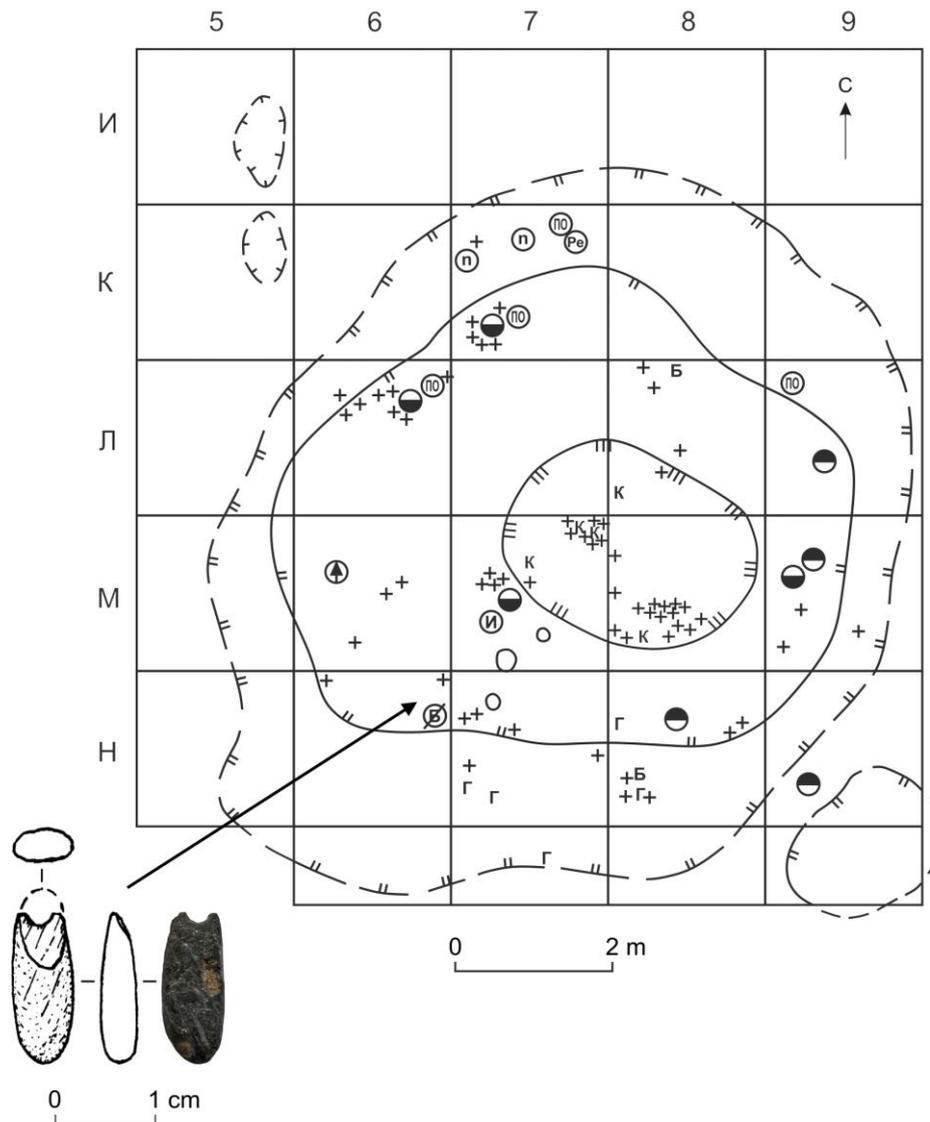

Рис. 4. Расположение каменной подвески на плане жилища № 10. Поселение Ушки I, культурный слой VII (план из архива Н. Н. Дикова, СВКНИИ ДВО РАН, рисунки Е. П. Давыдовой, фото А. Ю. Федорченко)

Fig. 4. Location of a stone pendant on the plan of Dwelling no. 10. Ushki I settlement, cultural layer VII (plan from N. N. Dikov's archive, NEISRI FEB RAS; drawings by E. P. Davydova; photos by A. Yu. Fedorchenko)

Выявленные особенности использования и пространственного распределения украшений ранней ушковской культуры на памятнике Ушки I хорошо согласуются с закономерностями, известными по другим ключевым памятникам верхнего палеолита крайнего северо-востока Азии. В этом обширном регионе лишь несколько верхнепалеолитических объектов – Янский стояночный комплекс в Яно-Индибирской области и Ушковская группа стоянок на территории Камчатки – содержат репрезентативные серии артефактов, чья исключительная информативность обеспечивает реконструкцию пространственных аспектов человеческой активности, связанной с изготовлением и использованием предметов личного декора.

Наибольшее культурное сходство с комплексом к. с. VII опорной стоянки Ушки I демонстрирует индустрия слоя VII памятника Ушки V. Их материалы сопоставимы по характеру первичного расщепления, составу орудийного набора, а также технологии изготовления и способам использования каменных украшений. Многолетние исследования стоянки Ушки V выявили остатки трех жилищных конструкций ранней ушковской культуры (см.: Диков, 1975; Дикова, 2002), см. также: [Понкраторова, 2007]). Основная масса украшений происходит из сдвоенного жилища № 3 с тремя кострищами. Эта постройка, обнаруженная в траншее № 2 1975 г., была частично нарушена при строительстве более поздней полужемлянки к. с. VI в ее юго-западной части. Украшения, заготовки и фрагменты поделочного сырья получены преимущественно из непо потревоженных участков жилища и представлены единичными находками и компактными скоплениями. Наиболее крупное скопление *in situ*, включающее 25 подвесок, выявлено в 2,5 м к юго-западу от кострища в южной части сооружения [Понкраторова, 2007]. Второе скопление, связанное с открытым очагом в северо-восточной части постройки, представляло половину ожерелья из 14 плотно прилегающих округлых бусин и одной подвески [Понкраторова и др., 2019]. Вокруг этого кострища обнаружены десятки артефактов, отражающих технологический контекст производства предметов личного декора, включая абразивы, заготовки, преформы и готовые изделия [Понкраторова, Федорченко, 2008].

Поселение к. с. VI памятника Ушки I, принадлежащее поздней ушковской культуре, демонстрирует определенные отличия в пространственном распределении украшений [Федорченко, 2022]. Аналогично слою VII, основная масса готовых изделий, заготовок и фрагментов сырья происходит из жилищных конструкций, служивших ситуативными производственными площадками. За исключением скопления однотипных лабретковидных бляшек в наземной постройке № 5, законченные украшения редко образуют выраженные концентрации. Обнаружение единичных целых или фрагментированных изделий на уровне пола жилищ, вероятно, свидетельствует об их утрате в процессе повседневного ношения. Наиболее информативные свидетельства использования украшений происходят из погребальных комплексов слоя VI. В коллективных детских захоронениях выявлены одиночные подвески или небольшие группы предметов, расположенные в области груди и головы нескольких индивидов. Такая локализация указывает на ношение изделий в качестве шейных украшений – одиночно и в простых композициях. Отдельные подвески, заготовки и фрагменты сырья происходят также из нескольких «сумок» в этих погребениях [Диков, 1993]. Внутри таких локальных скоплений артефакты залежали совместно с производственным и охотничьим инвентарем. Присутствие украшений не только как элементов декора одежды, но и в сочетании с выразительными формами орудий в сопроводительном инвентаре подчеркивает их особый статус и значимость традиций их производства.

Янский комплекс стоянок содержит одну из крупнейших в Северной Евразии верхнепалеолитических коллекций украшений, насчитывающую не менее 7 510 предметов [Питулько и др., 2012a]. Основная часть украшений и их заготовок сосредоточена в пункте Северный [Питулько и др., 2012б]. В его центральной, северо-западной и восточной зонах выявлены кластеры плоских бусин из бивня и кости, часто образующие скопления у очагов, включающие целые ожерелья из бусин или их комбинации с пронизками. В юго-западной и юго-восточной частях раскопа выделены три специализированных участка, связанных с изготов-

лением этих изделий. В отличие от бусин, костяные пронизки редко образуют концентрации и обычно встречаются одиночно, за исключением одного скопления *in situ* в виде ожерелья из 20 пронизок [Питулько и др., 2012a]. Подвески из зубов распределены как одиночно, так и небольшими группами по два-три предмета, иногда более крупными скоплениями, рассеянными на площади одного квадратного метра или чуть более. Реже встречаются компактные «клады», содержащие строго по семь заготовок подвесок [Питулько, Никольский, 2014]. Диадемы из бивня равномерно распределены в центральной и южной частях пункта Северный, в отдельных случаях – рядом с очагами; высокая концентрация изделий в северной части раскопа указывает на наличие специализированной мастерской [Питулько, Павлова, 2014].

Заключение

Проведенный анализ существенно уточнил пространственное распределение предметов личного декора в к. с. VII поселения Ушки I. Сочетание находок, включая отдельные сырьевые, специфические продукты его расщепления, заготовки и преформы, незавершенные и готовые изделия, убедительно свидетельствует о полном технологическом цикле изготовления отдельных категорий украшений непосредственно на памятнике, внутри большинства исследованных жилищ. В первую очередь это характерно для бусин и подвесок из хлоритовых пород. Данный вывод подкрепляется расположением ключевых элементов технологии совместно с абразивами, зафиксированным для трех сооружений слоя (№ 3, 9 и 10). Наиболее полно производственный процесс реконструирован для жилища № 2, в северо-западной части которого выявлена специализированная рабочая площадка. Основные производственные операции концентрировались у очага, служившего источником света; вероятно, миниатюрные размеры способствовали утрате части бусин, попадавших в кострище. Примечательно, что большинство бусин из этой постройки лишено следов износа и представляют собой завершенные изделия, готовые к использованию. В других жилищах (№ 1, 4 и 11) и на участках у отдельно стоящих очагов слоя VII технологический контекст производства украшений представлен фрагментарно, что, по нашему мнению, может объясняться непродолжительностью обитания или особенностями методики полевых работ при их раскопках. Наиболее крупная серия украшений со следами интенсивного ношения происходит из погребения № 1, где они залежали единично или в плотных скоплениях. Локализация большинства бусин и подвесок в области головы и груди погребенного указывает на их использование в качестве личных украшений и элементов декора одежды [Диков, 1967]. Выявленные особенности пространственного распределения украшений ранней ушковской культуры демонстрируют соответствие данным с других ключевых памятников верхнего палеолита крайнего северо-востока Азии.

Список литературы

- Абрамова З. А., Гречкина Т. Ю.** Культурный слой как отражение определенной конкретно-исторической реальности (на примере IV культурного слоя стоянки Кокорево I) // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 9–12.
- Девятярова А. С., Сокол Э. В., Федорченко А. Ю.** Минералогическая и геохимическая характеристика каменных бусин культурного слоя VII стоянки Ушки I (Центральная Камчатка) // XI Сибирская конференция молодых ученых по наукам о Земле: Материалы конф. Новосибирск, 23–29 сентября 2024 г. Новосибирск: НГУ, 2024. С. 6–8.
- Диков Н. Н.** Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967. Вып. 17. С. 16–31.
- Диков Н. Н.** Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1969. 256 с.

- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. М.: Наука, 1977. 319 с.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Диков Н. Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. 68 с.
- Дикова М. А.** Символика в погребальной обрядности и искусстве Ушковского палеолита // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2011. № 1. С. 88–100.
- Житенев В. С.** Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер) / Под ред. Н. Б. Леоновой. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.
- Ложкин А. В., Слободин С. Б.** Ушковская стоянка – уникальный археологический памятник Севера Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1. С. 84–91.
- Питулько В. В., Никольский П. А.** Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Замятнинский сборник. 2014. Вып. 3. С. 408–418.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.** Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 141–161.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В.** Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // РАЕ. 2012а. № 2. С. 33–102.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В.** Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012б. С. 35–51.
- Понкратова И. Ю.** Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. Магадан: Кордис, 2007. Вып. 2. С. 13–20.
- Понкратова И. Ю., Губар Ю. С., Лбова Л. В.** Спектральный анализ окрашенных артефактов слоя VII стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Universum Humanitarium. 2019. № 1. С. 56–71.
- Понкратова И. Ю., Федорченко А. Ю.** Бусы и подвески стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: Материалы XLVIII РАЭСК. Барнаул: Азбука, 2008. С. 77–78.
- Федорченко А. Ю.** Трасологическое исследование каменных украшений из палеолитического погребения VII культурного слоя стоянки Ушки-I (Центральная Камчатка): новые данные // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 45–52.
- Федорченко А. Ю.** Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2015. № 1. С. 100–114.
- Федорченко А. Ю.** Планиграфический контекст каменных украшений культурного слоя VI стоянки Ушки I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 322–329.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Кулик Н. А., Шуньков М. В.** Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 1(48). С. 3–15.
- Федорченко А. Ю., Девятиярова А. С., Белоусова Н. Е., Сокол Э. В.** Новые данные о древнейших погребальных традициях верхнего палеолита Камчатки // VI Северный археологический конгресс: Материалы докл. (8–11 октября 2024 г., Сургут). Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. С. 58–60.

Список источников

- Диков Н. Н.** Отчет о полевых исследованиях на Колыме (в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС) и на Камчатке в 1971 году. Магадан, 1972. 55 с. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 4638.
- Диков Н. Н.** Отчет об археологических исследованиях на Колыме и Камчатке в 1974 году. Магадан, 1975. № 5287. 90 л. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1.
- Диков Н. Н.** Отчет о полевых археологических исследованиях на Чукотке и Камчатке в 1979 году. Магадан, 1980. 118 л. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7592.
- Дикова М. А.** Отчет о полевых исследованиях в 2000 году. Магадан, 2002. № 1971. 68 л. // Архив СВКНИИ ДВО РАН.

References

- Abramova Z., Grechkina T. Yu.** Kul'turnyi sloi kak otrazhenie opredelennoi konkretno-istoricheskoi real'nosti (na primere IV kul'turnogo sloya stoyanki Kokorevo I) [Cultural layer as a reflection of specific historical reality (based on the example of cultural layer IV of the Kokorevo I site)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology]*, 1990, vol. 202, pp. 9–12. (in Russ.)
- Devyat'yarova A. S., Sokol E. V., Fedorchenko A. Yu.** Mineralogicheskaya i geokhimicheskaya kharakteristika kamennikh bus kul'turnogo sloya VII stoyanki Ushki I (Tsentral'naya Kamchatka) [Mineralogical and geochemical characteristics of stone beads from cultural layer VII of the Ushki I site (Central Kamchatka)]. In: XI Sibirskaya konferentsiya molodykh uchenykh po naukam o Zemle. Materialy konf. Novosibirsk, 23–29 sentyabrya 2024 g. [XI Siberian conference of young scientists on Earth sciences. Conference proceedings. Novosibirsk, September 23–29, 2024]. Novosibirsk, NSU Press, 2024, pp. 6–8. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhnei Kolymy [Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Kolyma]. Moscow, Nauka, 1977, 319 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Drevnie kostry Kamchatki i Chukotki [Ancient bonfires of Kamchatka and Chukotka]. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969, 256 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii [Ancient cultures of Northeast Asia]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otkrytie paleolita na Kamchatke i problema pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [Discovery of the Paleolithic in Kamchatka and the problem of the initial settlement of America]. In: Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka [History and culture of the peoples of the North of the Far East]. Moscow, Nauka, 1967, vol. 17, pp. 16–31. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoi pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki [Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in connection with the problem of the initial settlement of America]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ., 1993, 68 p. (in Russ.)
- Dikova M. A.** Simvolika v pogrebal'noi obryadnosti i iskusstve Ushkovskogo paleolita [Symbolism in the burial rites and art of the Ushki Paleolithic]. *Vestnik SVNTs DVO RAN [Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2011, no. 1, pp. 88–100. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Kulik N. A., Shunkov M. V.** Ukrasheniya iz serpentina rannei stadii verkhnego paleolita so stoyanki Ust'-Karakol (Severo-Zapadnyi Altai) [Serpentine adornments from the early stage of the Upper Paleolithic at the Ust'-Karakol site (North-western Altai)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2020, no. 1 (48), pp. 3–15. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu., Devyat'yarova A. S., Belousova N. E., Sokol E. V.** Novye dannye o drevneishikh pogrebal'nykh traditsiyakh verkhnego paleolita Kamchatki [New data on the most an-

cient burial traditions of the Upper Paleolithic of Kamchatka]. In: VI Severnyi arkhеologicheskii kongress. Materialy dokladov. 8–11 oktyabrya 2024. Surgut [VI Northern Archaeological Congress. Conference proceedings. October 8–11, 2024. Surgut]. Ekaterinburg, IIIA UrO RAN Publ., 2024, pp. 58–60. (in Russ.)

- Fedorchenko A. Yu.** Kamennye ukrasheniya VII kul'turnogo sloya Ushkovskikh stoyanok (Tsentral'naya Kamchatka): tekhnologicheskii analiz [Stone adornments of cultural layer VII of the Ushkovskiyе sites (Central Kamchatka): technological analysis]. *Vestnik SVNTs DVO RAN [Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2015, no. 1, pp. 100–114. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu.** Planigraficheskii kontekst kamennikh ukrashenii kul'turnogo sloya VI stoyanki Ushki I [Spatial context of stone adornments from cultural layer VI of the Ushki I site]. In: Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 322–329. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu.** Trasologicheskoe issledovanie kamennikh ukrashenii iz paleoliticheskogo pogrebeniya VII kul'turnogo sloya stoyanki Ushki-I (Tsentral'naya Kamchatka): novye dannye [Traceological study of stone adornments from the Paleolithic burial of cultural layer VII of the Ushki-I site (Central Kamchatka): new data]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*, 2014, no. 4 (30), pp. 45–52. (in Russ.)
- Lozhkin A. V., Slobodin S. B.** Ushkovskaya stoyanka – unikal'nyi arkhеologicheskii pamyatnik Severa Dal'nego Vostoka [Ushki site – a unique archaeological site of the North of the Far East]. *Vestnik DVO RAN [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2012, no. 1, pp. 84–91. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Nikolskiy P. A.** Lichnye ukrasheniya (podveski) iz raskopok Yanskoi stoyanki: massovye i edinichnye tipy izdelii [Personal adornments (pendants) from excavations of the Yana site: mass and single types of products]. In: Zamyatinskiy sbornik [Zamyatnin collection], 2014, vol. 3, pp. 408–418. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu.** Iskusstvo Yanskoi stoyanki: diademy i braslety iz bivnya mamonta (predvaritel'nyi analiz kollektzii) [Art of the Yana site: diadems and bracelets made of mammoth tusk (preliminary analysis of the collection)]. In: Arkhеologiya Arktiki [Arctic Archaeology]. Ekaterinburg, 2014, vol. 2, pp. 141–161. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V.** Simvolicheskaya deyatel'nost' verhnepaleoliticheskogo naseleniya Arkticheskoi Sibiri (busy i podveski Yanskoi stoyanki) [Symbolic activity of the Upper Paleolithic population of Arctic Siberia (beads and pendants of the Yana site)]. In: Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2012, pp. 35–51. (in Russ.)
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V.** Yanskaya stoyanka: material'naya kul'tura i simvolicheskaya deyatel'nost' verhnepaleoliticheskogo naseleniya Sibirskoi Arktiki [Yana site: material culture and symbolic activity of the Upper Paleolithic population of the Siberian Arctic]. *Rossiyskii arkhеologicheskii ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]*, 2012, no. 2, pp. 33–102. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu., Fedorchenko A. Yu.** Busy i podveski stoyanki Ushki-5 (p-ov Kamchatka) [Beads and pendants of the Ushki-5 site (Kamchatka Peninsula)]. In: Etnokul'turnaya istoriya Evrazii: sovremennye issledovaniya i opyt rekonstruktsii: materialy XLVIII RAESK [Ethnocultural history of Eurasia: modern research and reconstruction experience: materials of the XLVIII Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students]. Barnaul, Azbuka Publ., 2008, pp. 77–78. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu., Gubar Yu. S., Lbova L. V.** Spektral'nyi analiz okrashennykh artefaktov sloya VII stoyanki Ushki V (poluostrov Kamchatka) [Spectral analysis of painted artifacts from layer VII stoyanki Ushki V (peninsula Kamchatka)]

VII of the Ushki V site (Kamchatka Peninsula)]. *Universum Humanitarium*, 2019, no. 1, pp. 56–71. (in Russ.)

Ponkratova I. Yu. Stoyanka Ushki-5 (Kamchatka): issledovaniya poslednikh let, problemy i perspektivy [Ushki-5 site (Kamchatka): research in recent years, problems and prospects]. In: Kolymskiy gumanitarnyy al'manakh [Kolyma Humanitarian Almanac]. Magadan, Kordis Publ., 2007, vol. 2, pp. 13–20. (in Russ.)

Zhitenev V. S. Podveski iz zubov zhivotnykh rannei i srednei epokh verkhnego paleolita Russkoi ravniny [Pendants made of animal teeth from the early and middle epochs of the Upper Paleolithic of the Russian Plain]. In: Problemy arkheologii kamennogo veka (k yubileyu M. D. Gvozdover) [Problems of Stone Age archaeology (to the anniversary of M. D. Gvozdo-ver)]. Moscow, Dom evreiskoi knigi Publ., 2007, pp. 40–61. (in Russ.)

List of Sources

Dikov N. N. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na Chukotke i Kamchatke v 1979 godu. [Report on field archaeological research in Chukotka and Kamchatka in 1979]. In: Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. 1980. F. 1. R. 1. No. 7592. (in Russ.)

Dikov N. N. Otchet o polevykh issledovaniyakh na Kolyme (v zone zatopeniya vodokhranilishchem Kolymskoi GES) i na Kamchatke v 1971 godu [Report on field research in Kolyma (in the flooding zone of the Kolyma hydroelectric station reservoir) and in Kamchatka in 1971]. In: Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. 1972. F. 1. R. 1. No. 4638. (in Russ.)

Dikov N. N. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Kolyme i Kamchatke v 1974 godu [Report on archaeological research in Kolyma and Kamchatka in 1974]. In: Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. 1975. F. 1. R. 1. No. 5287. (in Russ.)

Dikova M. A. Otchet o polevykh issledovaniyakh v 2000 godu [Report on field research in 2000]. In: Arkhiv SVKNII DVO RAN [Archive of the NEISRI FEB RAS]. 2002. No. 1971. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Юрьевич Федорченко
Scopus Author ID 57189367702
WoS Researcher ID D-5485-2016

Information about the Author

Alexander Yu. Fedorchenko
Scopus Author ID 57189367702
WoS Researcher ID D-5485-2016

*Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 20.11.2024
The article was submitted on 16.10.2024;
approved after reviewing on 20.11.2024; accepted for publication on 20.11.2024*